

ФРАНГИЗ ХАНДЖАНБЕКОВА

На днях в столице Азербайджана, в Баку, в Музейном центре состоялась торжественная церемония вручения национальной премии «Деде Горгуд» за вклад в развитие и пропаганду национального искусства за рубежом, учрежденной Национальным фондом «Деде Горгуд» и журналом «Azərbaycan dünyası», известной азербайджанской художнице Маргарите Керимовой-Соколовой. Ее вручил президент фонда и главный редактор журнала Эльдар Исмаилов.

Маргарита ханым выразила свою особую благодарность за прекрасную награду и важную оценку её деятельности. Она также отметила, что вдохновлена таким высоким признанием и испытывает чувство гордости. «Моё творчество, все мои достижения, удостоенные высоких зарубежных наград, я посвящаю своей родине – Азербайджану, и эта красивая премия станет для меня большим стимулом в деле служения интересам моей прекрасной страны. А это мой долг». В знак признательности Маргарита преподнесла в дар фонду свою картину.

В этот же вечер действительный член Всемирной художественной академии «Новая эра» Эльдар Курбанов также вручил художнице почетную ленту академика – звания, которого она была удостоена Всемирной академией художеств «NEW ERA» («Новая эра») за многогранный талант и многолетнюю деятельность на ниве искусства. В феврале 2022 года в древней Флоренции, в Палаццо Боргезе, состоялась торжественная церемония вручения художнице международной премии Леонардо да Винчи «Универсальный художник» за работу «Сага о Берлине», премии, являющейся актом признания мастерства деятеля искусства, его художественных и стилистических изысканий. Следом в Милане, в зале Музея науки и техники Леонардо да Винчи, ей была вручена международная премия Караваджо «Великий мастер искусств» за особые заслуги в художественной деятельности.

Вот уже 27 лет художница живет в Кельне, но всегда самыми тесными узами связана с Баку, где на протяжении этих лет открывались ее персональные выставки, были встречи с коллегами, друзьями, родными и бывшими учениками, а их было немало. Вот и в этот раз у нее были встречи с друзьями, походы в мастерские своих коллег, так что интервью с Маргаритой ханым было проведено по телефону.

ЧЕТЫРЕ НАГРАДЫ И ВСЯ ЖИЗНЬ

– Маргарита ханым, о вас я слышала еще в советские годы, и особенно о вашем трудолюбии. А с чего все начиналось, вы сами выбрали будущую профессию?

– Не только сама. Рисовала, как почти все дети. Но, получив однажды одобрение моего деда, который, будучи юристом, но сыном художника, прекрасно рисовал, я продолжала охотно этим заниматься. До тех пор, пока не отправилась за получением знаний в изокружок в Доме пионеров. Там я очень скоро потеряла интерес к обучению, но рисовать продолжила. Надо сказать, что в методике обучения в кружке напрочь отсутствовала творческая составляющая. А потому занятия сводились к получению навыков рисования предметов: кувшинов и гипсовых розеток. Возникли скука и разочарование. Этот опыт в дальнейшем побудил меня создать свой метод, позволяющий раскрывать и развивать одну из важнейших особенностей духовного сознания – индивидуальный творческий потенциал каждого ученика, дающий возможность при выборе любой профессии мыслить многовариантно, иметь практически безграничное мышление. А опыт занятий композицией, рисунком и живописью при

развитом воображении, приобретаемые навыки и полученный результат формируют рациональное мышление. И в совокупности ученик получает мощную и универсальную базу для плодотворного развития. Занятия в музеях и знание истории искусств обогащают этот увлекательный процесс.

...Когда я окончила школу, стал вопрос о высшем образовании. По мнению родителей, большую склонность и интерес я проявляла к рисованию, а потому и выбор шёл в этом направлении. В Баку в то время было только училище, и мои родители, хотя и с неохотой, выбрали Краснодар. Там в Пединституте, впоследствии ставшем Кубанским университетом, открылся художественно-графический факультет, а ещё там жила моя тетя, а значит, предполагалась забота обо мне.

Я не очень загорелась этой идеей, так как уезжать из дома, из Баку мне не хотелось. Но, когда всё же попала в Краснодар, то всё стало случаться вопреки.

Ни город, ни взаимоотношения людей мне резко не понравились, так как сильно контрастировали с тёплым и гостеприимным Баку. И тетя была ко мне более чем равнодушна. Вскоре я поняла, что и подготовка у меня слабая в отличие от других абитуриентов, многие из которых уже окончили художественные училища. Я даже этому обрадовалась, но, чтобы не огорчать родителей, всё же отправилась на экзамен, абсолютно уверенная, что провалю его, потому была спокойна. Надо сказать, конкурс был невероятный. Каково же было моё удивление, когда я увидела, что на моём рисунке стоит пятёрка! Так же успешно я сдала остальные предметы и поступила. И мне назначили стипендию.

... В каталоге к одной из своих выставок в предисловии я кратко изложила следующее резюме: «Как я теперь понимаю, по меньшей мере, две составляющие моей судьбы определили мои предки: один – художник И.И. Соколов (академик Императорской Санкт-Петербургской академии художеств) уже по определению, второй – барон Мюнхгаузен (да-да, именно тот самый, Карл Фридрих Иероним фон – немецкий фрайхерр, ротмистр и рассказчик, ставший литературным персонажем) по образу жизни – в фантазиях, как в реальности и... умении вытащить себя за косичку из болота, да ещё и вместе с конём! Это, как оказалось, и есть я.

– Это же невероятно интересно, что у вас такие предки. Расскажите, что вы знаете из того, что многим не известно...

– О том, что барон Мюнхгаузен – наш предок, я узнала из рассказов моего дедушки. Сведений о родстве с ним не так много. Но с ним я чувствую сильную взаимосвязь. В жизни я не такой фантазер, но в творчестве без этого качества не обойдешься, и его у меня немало. Я никогда не унываю и из любого положения нахожу выход. Мой дед был великолепным рассказчиком, и я много интересного узнала от него. По профессии он был юристом. В Баку он прибыл по приглашению мусаватского правительства из Тифлиса и работал тогда и позже до преклонных лет главным юрисконсультом в Баксовете. Родителями его, следовательно, моими прадедом и прабабушкой, были известный художник Соколов И.И. – наполовину украинец по материнской линии, от которого дед унаследовал замечательную способность рисовать, и мать – немецкая баронесса фон Рам. О ней мне мало что известно, так как она умерла вскоре после родов, оставив дедушку и двух его сестер на попечении мужа. Остались фотографии, на которых видно, что это была очень красивая женщина.

Женой моего деда стала тоже немецкая баронесса – Ольга фон Розен. По прибытии в Баку семья Соколова поселилась на улице Телефонной, д.6, теперь 28 Мая, д.4. Это один из знаменитых и красивейших домов-близнецов Мусы Нагиева. Там им была предоставлена половина третьего этажа в 6 комнат с балконом и эркером, а на четвертом этаже поселили приехавшую вместе с ними бывшую папину няню с сыном Юрием Дадашидзе, чьи дети Илья и Дмитрий стали моими друзьями. Позднее, при советской власти происходило «уплотнение», и у семьи остались две комнаты. Думаю,

что счастливый случай и скромность помогли деду избежать страшной участи, постигшей тогда многих с приходом советской власти. Только недавно от моего брата я узнала, что его дед, родной брат моей бабушки, тоже юрист и тоже приехавший Баку с семьей по приглашению, в годы советизации был арестован и пропал без вести. Но об этом у нас никогда не говорили. Сохранились открытки, посланные моей бабушке в Баку и надписанные таким образом: «Её превосходительству Баронессе Ольге Розен». Эти открытки, семейные фотографии и некоторые документы сохранились в тайне в красивой деревянной коробке и позже попали ко мне. По моей просьбе, мой папа написал нашу родословную, которая состояла из двух тетрадей, в одной из которых дореволюционная ее часть, во второй – после. Там много ценных подробностей и сведений, но написана она с учетом времени, в котором лучше что-то не сказать, чем сказать лишнее. Позднее мои знания волею случая стали расширяться.

...Бароны Розены происходили из знатного рода. Это была большая и разветвленная семья. Теперь я много о ней знаю. Например, что это были остзейские бароны, приехавшие при Петре I, а, может, и раньше, в Эстляндию, Эстонию. Розенов было несколько человек. Это была потрясающая линия, и теперь я очень много о ней знаю. Например, что это были остзейские бароны. Один – это барон Розен, живший в Риге, где я была в Доме творчества. Там я встретила латвийского искусствоведа, написавшего книгу «Немецкое наследие в Латвии». Он очень много интересного мне рассказал о бароне Розенс (так, на латышский манер, называли его в Риге). Другой жил в Таллине и оставил о себе благодарную память: наследие и знаменитый Лёвенпарк, или Розенпарк. Все бароны Розен, как правило, имели две профессии. Одна обязательно была военная, а вторая – это какая-нибудь гражданская, гуманитарная. Барон Розенс, живший в Риге, был художником, архитектором и оставил большое наследие: несколько красивейших замков, спроектированных и построенных им, один из которых он предоставил с полным пансионом страдающим художникам.

Когда в свое время я написала своей тете, двоюродной сестре моего папы, которая тоже носила эту фамилию, она ответила: «А меня это не интересует». И я ее поняла, потому что в годы войны ее семья, родственники жили в находившихся под оккупацией Липецке, Курске и жутко боялись, скрывали свое происхождение. Этот страх остался на всю жизнь.

– Вернемся к вашим студенческим годам, к их началу...

– В институте всё завертелось по-серьёзному. Я сильно отставала от группы, которая была в разы подготовленнее и сильнее меня. Я вспоминаю пресловутый советский лозунг: «Догнать и перегнать...». Именно это и подтолкнуло меня на мощное движение вперед, стало моей программой.

... Итак, я поступила, к колоссальному своему удивлению, но родителей мне было приятно обрадовать. Ненадолго вернувшись в Баку, я все же поехала в Краснодар, думая, что поучусь немного и буду искать возможностей переехать учиться в Баку или куда-либо ещё. В Ленинграде открылся аналогичный факультет, а там жила моя сестра. И это было бы уже получше, но не случилось. А предстояло другое...

Вернувшись в Краснодар, я обнаружила, что недалеко от нашего института находится прекрасный Музей изобразительных искусств. Там были превосходные работы Левитана, Васильева, Сурикова, Фешина... Они меня захватили, мой взгляд стал более заинтересованным.

Я постоянно посещала музей, и это стало для меня хорошей школой. Поскольку в этом городе я была одна, не считая тети, от которой я перешла жить на квартиру, местами, где я постоянно пребывала, были музей и институт. После занятий я оставалась в аудитории и рисовала, рисовала, сокращая разрыв. Так началось мое образование.

...В отличие от Баку, где понятия дружба, общение, ходить друг другу в гости, собираться по разным поводам и без – круглосуточные, а как иначе, Краснодар был полной противоположностью. Мои родители были очень гостеприимны, у нас всегда собирались друзья, и мы тоже бесконечно приглашались, впрочем, это был стиль нашей бакинской жизни. С первого класса в нашем доме чуть ли не каждый день ко мне приходили мои одноклассники, а уж если я заболела, то приходил навестить меня весь класс. За время моей учёбы в Краснодаре ни один человек ни разу не пригласил меня к себе. Создавалось впечатление, что все студенты – приезжие. Когда я поселилась в общежитии, то туда приходили много моих сокурсников.

– И всё же, чем ещё питается ваш трудоголизм? Что вами движет все годы так, что у вас было несколько десятков персональных выставок, не говоря уже об участии в общих экспозициях?

– Трудоголизм – очень естественное состояние для художника, если он не в «штиле», хотя эта пауза, несколько мучительная, тоже необходима. Приходит идея, и ты начинаешь работать до полной реализации, когда жаль даже тратить время на сон. Со временем я научилась заниматься сразу несколькими вещами, переключаясь, но не теряя связи.

Стремление достичь более высокого уровня осталось у меня на всю жизнь и стало частью моего характера. Я сидела и рисовала до тех пор, пока не приходила уборщица и говорила: « Я уже убрала весь институт, дошла до твоей аудитории, уже 12 часов ночи, так что пора домой». Так я занималась каждый день. А затем у меня появились друзья, приехавшие учиться из станиц. Но на удивление, это были очень хорошо образованные парни и очень талантливые. Мы вместе проводили много времени, постоянно ходили на этюды и открывали для себя миры всё новых и новых художников. Пробовали экспериментировать с формами и цветом, но декану это не понравилось, и нас троих лишили на полгода стипендии. Это было время открытий. Такой моя жизнь стала навсегда.

На втором курсе наш декан пригласил к нам на Кубань группу студентов Ленинградской (С.-П.) академии художеств вместе с педагогом на пленэр. Для участия в нем выбрали и меня. И я попала в мир молодых художников, очень хорошо владеющих мастерством, глубоко погруженных в искусство, интересно мыслящих и много знающих. И, естественно, что мой инстинкт «догоняльщика» тут же включился. Участие в этом пленэре, который был и на следующий год, значительно повысил мой уровень, он много чего открыл для меня, как будущего художника. Стало очевидно, какие разные методы, и насколько выше уровень преподавания и обучения в академии. Тогда же я решила после окончания поступать туда, а пока многие часы пропала в Краснодарском художественном музее, маленьком, но драгоценном.

Я открывала для себя те же самые картины каждый раз по-новому. Это свойство большого искусства, глубина которого являет зрителю всякий раз какую-то новую грань. Краснодарский институт я окончила с отличием по специальности, и мне было предложено преподавание, но я предпочла поступить на стажировку в Ленинградскую академию художеств.

Год я провела в стенах, где некогда учился мой знаменитый прадед, академик Петербургской академии искусств Иван Соколов. И это был другой мир.

– На заре вашего творческого становления кого из азербайджанских или мировых художников вы могли бы назвать своим учителем или художником, который в какой-то степени повлиял на ваше формирующееся творчество? Какая выставка, в которой вы принимали участие, оставила в вашей памяти особый след?

– В Баку после моего возвращения родители познакомили меня с художником Сананом Курбановым. Наши семьи были дружны. Санан учился в Высшем художе-

ственно-промышленном училище имени Мухиной (ныне Академия имени Штиглица¹). Уровень его знаний, подготовки и понимания искусства был, конечно, высочайшим. Мы подружились, и он стал моим наставником. Добрейший, остроумный, весёлый и жутко талантливый Санан был довольно суровым зрителем и критиком. Это было мне необходимо для роста, но порой трудно выносимо. Санан же и познакомил меня с разными художниками. Мы бывали во многих мастерских. Это было так необычно, так впечатляюще, порой ошеломительно. Каждый был занят своим поиском. Они и открывали для меня новые миры Искусства. Наряду с молодыми художниками я познакомилась с уже прославленными Саттаром Бахлулзаде, Тогрулом Нариманбековым, Эльмирой Гусейновой, Таиром Салаховым, Расимом Бабаевым, Горхмазом Эфендиевым, Кафаром Сейфуллаевым, Джангиром Рустамовым и другими замечательными мастерами. Это была очень мощная формирующая среда. Друзьями стали Кямал Ахмедов, Сара Манафова, Эльчин Мамедов, Уджал и Гусейн Ахвердиевы, Мусеиб Амиров, Рашид Исмаилов, Фуад Бакиханов и др. И это был другой мир. Все были очень сильные художники, и каждый шёл своим путём. Это и была моя среда, и каждый из них так или иначе оказал на меня влияние своим творчеством.

Однажды Омар Гасанович Эльдаров порекомендовал меня, молодую художницу, ещё не вступившую в СХ, в Дом творчества в Сенеж, где я и написала первую большую работу, и со мной даже заключили немалый договор. Написанная там мною работа была высоко оценена и попала на Всесоюзную выставку в Манеже. Это был несомненный успех. Омара Гасановича я не подвела. Впоследствии постоянно стала получать приглашения и работала во многих домах творчества. И всегда написанные там картины попадали на основные выставки.

– Какая из выставок оставила особый след в памяти, а может, и стала судьбоносной?

– Самая первая.

Санан часто приходил к нам домой, и мы вместе подолгу рисовали. Мастерских у нас тогда ещё не было. Мы начали готовиться к вступлению в Союз художников. Для этого надо было стать участником минимум 3-х республиканских и 2-х всесоюзных выставок. Попасть на выставку было очень сложно. Существовала отборочная комиссия. Если хоть одна из представленных, предположим, пяти работ в результате отбора попадала на выставку, это было большой победой. И такая победа у меня произошла при отборе на «осеннюю» выставку в Баку, и что интересно, на меня обратили внимание: появилась большая статья, где было написано обо мне. Это было неожиданно и приятно. Позже было много хороших статей, себя я в них не очень узнавала, но понимала, что это начинающаяся популярность, которая необходима каждому художнику. Однако главное – это двигаться вперёд. Картина моя – «Зимний пейзаж» – была представлена на республиканской осенней выставке, проходившей в Выставочном салоне имени В.Самедовой в 1969 году. В газете «Молодежь Азербайджана» репродукция картины была опубликована рядом с работой председателя Союза художников Азербайджана Надира Абдурахманова. Для молодой художницы это была большая честь. Позднее картину приобрели для московского Музея восточных культур. Позже довольно много моих работ попало в ряд музеев и картинных галерей по республикам СССР. Национальным Музеем искусств Азербайджана было приобретено в разные времена 18-20 лучших моих работ. Работы мои также находятся в картинной галерее Сумгайыта, в Музее современного искусства в Баку, в Третьяковской галерее, Саратовской картинной галерее им. Радищева и ряде других музеев. Около двухсот – в частных коллекциях в Америке и Европе. Впервые в Германии я была на симпозиуме в 1988 году в группе из 4-х художников по личному приглашению из-

¹Барон Александр Людвигович фон Штиглиц (1814-1884) – крупнейший российский финансист, банкир и промышленник, управляющий Государственным банком России, меценат, благотворитель.

вестнейшего мецената Петера Людвига. Мы были приглашены в Кёльн на открытие созданного им Музея современного искусства (Museum Ludwig).

В тот год мои работы были приобретены в частные коллекции, а также крупнейшая корпорация Тиссен-Крупп и фирма Лукас, обладающие потрясающими картинными галереями, коллекцию которых составляют художники от Лукаса Кранаха, Дюрера до Пикассо, приобрели мои работы. Кстати, один из немецких музеев приобрел картину «Луна над Дуйсбургом».

– Что вы можете сказать о том круге художников, в среде которого вы формировались?

– Мастерские в Доме художников мы получили одновременно с Сананом, и вот тут началась особая жизнь. Это была мощная среда художников, и она стала моей средой! Мы обходили все мастерские, беседы там велись на то время самого высочайшего уровня. Это был счастливый период познания. На меня тогда обратили внимание уже прославленная творческая семья скульптора Эльмиры Гусейновой и Тогрула Нариманбекова (они оба были потрясающе талантливые, яркие и относились к миру авангарда). Наша дружба – особый подарок Судьбы – продлилась всю жизнь и оказала на меня большое и очень плодотворное влияние.

Вообще азербайджанская художественная школа сильная и разнообразная, где каждый выбирал для себя определенный путь. Был и соцреализм, и авангард, и абшеронская школа, и национальная, основанная на изучении миниатюр и ковров. К тому же многие учились, кто в Москве, кто в Ленинграде, кто в Тбилиси, Вильнюсе, то есть познавали другие школы, расширяли свои горизонты. И во всех этих направлениях были свои гении, но это уже другая тема. А что касается Тогрула и Эльмиры, Санана, Уджала Ахвердиева, Эльчина Мамедова, Сары Манафовой и других прекрасных художников, я дружила с ними до конца их жизни. Особое место в моей жизни занимала моя драгоценная подруга, выдающаяся художница Сара Манафова. Наша дружба длилась 54 года. Для меня уход Сары был огромной потерей. Но виртуально мы продолжаем общаться.

Позже к выставке «5» («Пять азербайджанских художников») в Новой Третьяковке на Крымском валу, инициированной Сарой Манафовой, к моим друзьям-коллегам прибавились ещё и замечательные, безмерно талантливые Сируз Мирза-заде, Фарман Гуламов и Исмаил Мамедов, Ариф Гусейнов, наши известные художники Фархад Халилов, Агали Ибрагимов, Салхаб Мамедов также были кругом моего общения.

У Эльмиры и Тогрула мы часто собирались большой компанией высокоодарённых, прекрасных и ярких людей нашего города. Бывали братья Ибрагимбековы, врач Валерий Князюк с Аллочкой Далиной – это уже область медицины, приходил и молодой Анар. Постоянно кто-то из московских, тбилисских, прибалтийских, украинских и других художников бывал у них в гостях. Собираясь, мы засиживались, бывало, до утра, и каждому давалось слово. Порой Максуд читал вслух только что написанные рассказы. Ему было важно мнение, в особенности Эльмиры, обладающей наитончайшим литературным слухом. Эльмира сама любой эпизод превращала в потрясающий рассказ. Любовь к литературе ей привил отец. Высокообразованный человек, он был цензором по литературе, и в их доме была колоссальная библиотека. С раннего детства Эльмира была погружена в чтение, изучала Канта и Гегеля в то время, когда лучшая литература была под запретом. Ее двоюродным братом был известный писатель Мехти Гусейн. Молодой Тогрул, захаживая к друзьям, живущим в доме, где жила и Эльмира, постоянно видел её сидящей с книгой на подоконнике. Читающая девушка произвела на него впечатление.

Так мой путь познаний и открытий, начавшись в институте, продолжился в Баку. Рядом появлялись коллеги, они же друзья и единомышленники. Это были страстные дискуссии, обмен мнениями. Нам это было необходимо. После ожесточен-

ной битвы с самим собой перед картиной, в тиши мастерской, иногда победившие, чаще проигравшие, мы находили друг друга, чтобы поделиться, задать вопросы, которых было множество. Мы формировали друг друга. Это была мощная среда талантливых людей, многих из которых я навсегда считаю своими учителями. Мне по жизни очень везло в этом смысле. Это были и есть выдающиеся люди, которые прошли и проходят через всю мою жизнь.

Сейчас, по наследству, мы дружим с Асмяр Нариманбековой, и это для меня большая радость и подлинное счастье! Необыкновенно талантливая, многогранная, прекрасная Асмяр живёт в Париже, где открыла Ассоциацию Тогрула Нариманбекова, которая стала частью ЮНЕСКО. А это немалое признание. Постоянно участвуя во всевозможных европейских художественных проектах, она находит время для создания своих, к которым и я имею счастье присоединиться.

– *Как вы перешли от реалистического искусства к абстрактному?*

– Это интересный вопрос. Начну издали. Когда я переехала в Германию, мне стали доступны все музеи Европы, в которые я езжу, смотрю, особенно музеи и выставки современного искусства, и я наблюдаю, как активно «живет» множество направлений, в том числе и абстрактное. Прослеживаются всевозможные эксперименты и открытия: бесконечное разнообразие форм, технических приёмов, смешение стилистических сочетаний, различных видов и техник изображения. Открылись новые виды искусств: акционизм, видеоарт, перформанс, инсталляция и множество разных способов высказывания. Всё это производит сильное впечатление и оказывает влияние. У меня было несколько периодов. Neo-Abstrakt – это последний, однако все предыдущие, в том числе фигуративные, естественно, никуда не делись. У меня есть такая серия работ – «Сны о Караваджо», в которой как раз я сочетаю абстрактное выражение, если так можно сказать, с фигуративным, и это тоже интересное пространство. Как я прихожу к любому периоду в своем творчестве? Это получается, если подумать, так: я что-то осваиваю новое и нахожусь в этом пространстве какое-то время, иногда по несколько лет, затем возникает естественный переход к следующему. В творчестве, как и в жизни, я меняюсь.

– *Как приходят темы ваших работ? В результате раздумий или спонтанно?*

– Многое приходит спонтанно, а затем начинаются размышления. По сути каждая работа – это открытие себя в новом холсте. Я все время наполняю искусством, изучаю его: в музеях, на больших экранах. Огюст Ренуар говорил, что художником он себя чувствует, когда смотрит работы своих коллег. Это понятный процесс, потому что ты всегда себя сопоставляешь с кем-то. Многие художники могут сказать: «Я ищущий...». Пикассо говорил: «Я не ищущий, я нахожу». То есть художник ищет то, что в нем заложено. У меня же масса проектов в голове, и нужен миллион лет, чтобы их осуществить. В искусстве нужна одержимость. Вдохновение приходит только в процессе работы.

Когда я переехала в Германию, у меня произошел культурологический шок. Многое так меня потрясло здесь, что, когда я сопоставила себя, в какой-то степени известную художницу и в Азербайджане, и в Советском Союзе, с тем, что увидела здесь, то подумала, что я и вовсе не художник и я не буду этим заниматься. Буду просто жить, решила я. Вот такая история. Позже мне стало известно, что подобное происходило с Рахманиновым, и не с ним одним. Прошло много лет, и посещение Музея-театра Дали на Фигерасе меня «перевернуло». Возвратившись в Кёльн, я лихорадочно начала рисовать, но будто всё растеряла. Искусство ревниво и мстительно, его нельзя ни предать, ни бросить. Пришлось начинать с маленьких эскизов. Но я их завершала, и появилось множество миниатюр. Тогда и определились три темы: «Ева», «Формула цветка» и «Мир карнавала». К ним я время от времени возвращаюсь, но уже на новых витках жизненной спирали. В Баку в 2011 году моя выставка «Сто мгновений» в Музейном центре состояла из тех самых 100 миниатюр.

– *Ваши новые работы необыкновенно музыкальны по цветовой гамме. Слушаете ли вы музыку во время работы?*

– Вы знаете, тема музыки у меня появилась как бы случайно, в процессе. Я задумала написать цикл работ на условную тему «Отражения». Когда я завершала эту серию из десяти холстов, то стало ясно, что это Музыка. Я стала вписывать туда нотные знаки. Графически получалось красиво и наполняло смыслом. А когда я их выставила, музыканты ее восприняли заинтересованно. Их мнение для меня было важно. Самира Патцер-Исмаилова, музыкант, написала красивый текст на эту серию. Напечатанный и вывешенный в рамке, он стал разъясняющей частью экспозиции. Тема «Рождение музыки» у меня появилась в двадцатом году, далее я ее развивала фрагментами. Надо сказать, что у меня действительно есть несколько тем, к которым я время от времени возвращаюсь, но уже на новом этапе. Это: «Двое», «Карнавал», «Готика», «Музыка», «Ева», «Растения как иной мир», «Раковины как Космос». Они постоянно у меня присутствуют, и, возвращаясь к ним, я что-то прибавляю новое. Меняется и манера изображения.

...В один из дней мой друг – прекрасный, тонкий музыкант и талантливый педагог Октай Зейналов-Шуберт переслал видео своих учениц, взявших призовые места в музыкальном конкурсе Florida Keys, который уже давно организовала в Америке дочь великого азербайджанского композитора Джовдета Гаджиева и не менее великой Амины Дильбази – Пярвин Мурадова-Дильбази. Октай написал, что на днях они летят на гала-концерт в Нью-Йорке, в Карнеги-холл. Он прислал мне запись в исполнении Шарлотты «Баллады» Джовдета Гаджиева. Она звучала волшебно и просто «легла» на начатую мною картину. Я слушала, пока у меня не сложился образ и четко определился ход. По моей просьбе, Октай прислал мне ноты с рассказом о том, как это должно звучать и что означает. Я стала писать так интенсивно, что, почти не прерываясь, завершила работу к утру. Несмотря на то, что Октай – человек сдержанный и мало что хвалит, он принял работу восторженно, тотчас переслал её Пярвин Мурадовой-Дильбази. Ее ответ меня поразил. «Это что-то необыкновенное!» – говорила она. Дело в том, что её отец, оказывается, мечтал, чтобы его музыка была переложена на цвет, как у Скрябина. И вот произошел такой случай спустя почти пятьдесят лет. По словам дочери композитора, я будто прочла его мысли. Пярвин ханым прислала мне записи 5 симфонии. Она меня потрясла. Это такая мощь, сила и красота!! Мы созвонились, и мгновенно возникло взаимопонимание. Она пожелала эту картину как-то применить к конкурсу, и дальше все закрутилось. Нам удалось очень продуктивно пообщаться и обозначить несколько интересных идей, а в результате сложился перспективный рабочий дуэт. Мы сделали клип, соединив картину и музыку, фрагменты закомпоновались в плакат и... Чуть позже я предложила Пярвин ханым посмотреть несколько моих работ, наиболее соответствующих музыке великого композитора. Так появилась новая серия.

– *Над чем вы сейчас работаете?*

– Я участвую во многих проектах. Каждый из них уникален.

За 2021-2022 годы я приняла участие в следующих проектах: «BROKEN MIRRORS» США, Вашингтон, «KARUSSEL du LOUVR» Париж, Интернациональная выставка in EV gallery N-Y, Нью Йорк, G.ART платформа «ROOTS & ROOFS, Берлин, «MetamorphoseoderTransformation» GalerieSeidel, Кёльн, «TREET EXIBITION» Турция, Трабзон, «I Love Georgia» Грузия. Только что ученики моей творческой Студии получили дипломы и сертификаты об участии в выставке «Dessinmoi'L'ete» и другие.

Остальные ещё впереди...

Мне также хотелось бы сделать большой мультимедийный проект в нескольких пространствах, переходящих одно в другое.